

видѣть судей и своего жениха, попавшаго въ бѣду. Джимъ укралъ деньги? Джимъ воръ? Какая нелѣпость!

Напротивъ галереи былъ узкій корридоръ, въ которомъ стоялъ очень высокій полисменъ, а какъ разъ подлѣ находилась скамья подсудимыхъ, походившая на семейную церковную лѣжку: затѣмъ шло открытое пространство со столомъ и стульями для чиновниковъ и адвокатовъ, и наконецъ конторка съ красной драпировкой и кресло судьи.

Когда этотъ страшный человѣкъ, которому дана власть за-саживать людей въ тюрьму, лишать ихъ добраго имени и навлекать стыдъ и безчестіе на цѣлую семью, сѣлъ на свое мѣсто, тогда началось разбирательство дѣлъ. Сначала судились пьяницы и производившіе уличные безпорядки, мужчины и женщины, чьи лица Джуліи были какъ бы знакомы, потому что — странное дѣло — если вы долго живете въ Лондонѣ и много гуляете по улицамъ, вы какъ будто привыкаете ко всѣмъ встрѣчающимся вамъ лицамъ. Нѣкоторые изъ нихъ были стары и сѣды: Джулія подумала про своего дѣдушку; нѣкоторыя изъ женщинъ были стары, другія молоды и среднихъ лѣтъ. Но она видала такихъ женщинъ и раньше. Былъ въ числѣ другихъ молодой джентльменъ, назвавшій себя Уильямомъ Смитомъ и медицинскимъ студентомъ; съ него потребовали штрафъ, и одинъ изъ его пріятелей, находившійся въ судѣ, заплатилъ за него штрафъ, и они оба ушли, причемъ медицинскій студентъ имѣлъ пристыженный видъ и вѣроятно позавидовалъ тѣмъ, у кого хмѣль бываетъ веселый и выражается смѣхомъ и дружеской болтовней, потому что такіе никогда не попадаютъ въ тюрьму, а любовно притыкаются полисменами къ стѣнѣ или же отводятся домой. Бѣда для джентльмена, если онъ сердитъ во хмѣлю.

Когда всѣ эти дѣла были разобраны, дошла очередь до болѣе тяжкихъ проступковъ. Прежде всего судился человѣкъ, укравшій пару сапогъ. Это былъ жалкій человѣкъ, бывшій, повидимому, когда-то и почтеннымъ, и красивымъ. Его дѣло было отложено до дальнѣйшихъ справокъ. Послѣ него пришла очередь малаго съ бульдожьей мордой, который сбилъ съ ногъ кулакомъ старика и отнялъ у него два пенса. Его дѣло тоже отложили, чтобы возстановить всю его предъидущую исторію, и надо думать, исторію довольно некрасиваго свойства.

Затѣмъ, увы! дошла очередь до Джемса Атерстона.

Дѣвушка на задней судейской скамейкѣ съ трудомъ перевела духъ и вся задрожала, когда ея милый появился на позорной скамьѣ. Щеки его были красны; онъ казался разсержен-